

Howard Phillips
LOVECRAFT
1890 – 1937

Говард Филлипс
ЛАВКРАФТ

*Загадочный дом
на туманном утесе*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л 13

Перевод с английского
Игоря Богданова, Людмилы Бриловой,
Василия Дорогокупли, Валентины Кулагиной-Ярцевой,
Олега Мичковского, Евгения Мусихина,
Евгения Нагорных, Валентина Останина, Олега Скворцова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © И. А. Богданов, перевод, 2010
- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2010
- © В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 2010
- © О. Б. Мичковский, перевод, 2010
- © Е. А. Мусихин, перевод, 2010
- © Е. В. Нагорных, перевод, 2010
- © В. И. Останин, перевод, 2010
- © О. Г. Скворцов, перевод, 2010
- © В. Н. Дорогокупля, перевод, примечания, 2010
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08861-0

АЗАТОТ

Когда мир состарился и люди разучились удивляться чудесам; когда тускло-серые города уперлись в дымное небо своими уродливыми и мрачными домами-башнями, в тени которых невозможно даже помыслить о ласковом солнце или цветущих весенних лугах; когда ученость сорвала с Земли покровы красоты, а поэтам осталось воспевать лишь неясные видения, кое-как углядев их затуманенным внутренним взором; когда эти времена настали и все былые наивные мечтания безвозвратно канули в Лету, жил один человек, который научился странствовать за пределами скучной повседневной жизни — в тех пространствах, куда удалились мечты, покинувшие этот мир.

Об имени и месте жительства этого человека известно мало; впрочем, имена и места имеют какое-то значение только в обыденном, бодрствующем мире и потому не представляют для нас интереса. Нам вполне достаточно знать, что он жил в большом городе среди высоких стен, где царили вечные сумерки, и что он проводил свои дни в безрадостных и суетливых трудах, а по вечерам возвращался домой — в комнату с единственным окном, из которого открывался вид не на поля или рощи, а на унылый двор с точно такими же окнами, глядевшими друг на друга в тупом безысходном отчаянии. В этом каменном мешке больше не на что было глядеть, и лишь перегнувшись через подоконник и посмотрев прямо вверх, можно было увидеть кусочек неба с двумя-тремя проплывающими звездочками. А так как зрелище

однообразных стен и окон способно свести с ума человека, который все свободное время посвящает мечтам и книгам, обитатель этой комнаты взял за правило ежедневно высовываться из окна, чтобы увидеть сверху частичку того, что лежит за пределами будничного мира, заключенного в сумрачных стенах многоэтажных городов. С годами он научился различать медленно проплывающие звезды, называл их по именам, а в своем воображении продолжал следить за их полетом и после того, как они исчезали из виду. Так проходила его жизнь, пока однажды его сознание не раскрылось для таких потрясающих картин, какие не дано узреть обычному человеческому глазу. В ту ночь была разом преодолена гигантская пропасть, и загадочные небеса спустились к окну одинокого мечтателя, чтобы смешаться с воздухом его тесной комнатухи и сделать его свидетелем невероятных чудес.

В полночь комнату озарили потоки лилового сияния с золотистыми блестками, а за ними внутрь ворвались вихри огня и пыли, насыщенные ароматами запредельных миров. И он узрел пьянящий океанский простор, озаренный неведомыми людям солнцами, а также диковинных дельфинов и морских нимф, резвящихся в неизмеримых глубинах. Некая беззвучная и беспредельная стихия приняла мечтателя в свои объятия и увлекла его в таинственные дали, при этом не коснувшись его тела, которое так и застыло на подоконнике. Много дней, несовпадающих с земными календарями, ласковые волны запредельных сфер несли человека к его мечтам — тем самым мечтам, которые были забыты и утрачены остальными людьми, — а потом он провел долгие счастливые века спящим на залитом солнцем зеленом берегу под благоухание цветущих лотосов и алых гиацинтов.

ИЗ ГЛУБИН МИРОЗДАНИЯ

Странная, не поддающаяся рациональному объяснению перемена произошла в моем друге Кроуфорде Тиллингасте. Я не встречал его с того самого дня, когда два с половиной месяца назад он поведал мне, к какой цели вели его физические и метафизические исследования. Тогда на мои опасения и увещания он ответил тем, что в приступе ярости выдворил меня из своего дома. Я знал, что после этого он заперся в лаборатории с этой ненавистной мне электрической машиной, принимая пищу от случая к случаю и отвергая помощь прислуги. Однако я не думал, что такой короткий промежуток времени, как десять недель, способен столь сильно изменить и обезобразить человеческое существо. Согласитесь, не так уж приятно видеть некогда цветущего человека неожиданно и сильно исхудавшим, а еще неприятнее замечать, что его обвисшая кожа желтеет, а местами становится серой, глаза проваливаются, округляются и жутко поблескивают, лоб покрывается сетью морщин с выступающими сквозь них кровеносными сосудами, а руки дрожат и подергиваются. Если же к этому еще добавить и отталкивающую неряшливость, неразборчивость в одежде, нечесаную и начинающую редеть шевелюру, давно не стриженную седую бороду, почти скрывающую некогда гладкое лицо, то невольно испытываешь нечто близкое к шоку. Именно таким предстал передо мной Кроуфорд Тиллингаст в ночь, когда его малопонятная записка заставила меня после нескольких недель изгнания вновь появиться у знакомой двери. То, что предстало передо

мной со свечой в трясущейся руке на пороге старого, уединенного дома на Беневолент-стрит, скорее напоминало тень человека — карикатурный образ, поминутно озирающийся по сторонам и пугающийся каких-то невидимых либо видимых только ему одному вещей.

Слухи о том, что Кроуфорд Тиллингаст когда-то занимался наукой и философией, являются не более чем слухами. Заниматься такими вещами впору беспристрастному человеку с холодным рассудком, а для чувственного и импульсивного человека, каким был мой друг, наука сулила две равные по своим трагическим последствиям возможности — отчаяние в случае провала или невыразимый и неопиcуемый ужас в случае успеха. Однажды Тиллингаст уже потерпел неудачу и, как следствие, развил в себе склонность к затворничеству и меланхолии. Теперь же, по страху, который он испытывал, я понял, что он стал жертвой собственного успеха. Я предупреждал его об этом еще десять недель назад, когда, увлеченный своей фантастической идеей, он с головой ушел в исследования. Тогда он был чрезвычайно возбужден, раскраснелся и излагал свои идеи неестественно высоким, но, как всегда, монотонным голосом.

— Что знаем мы об этом мире и о Вселенной? — говорил он. — У нас до абсурдного мало органов чувств, а наши представления об окружающих предметах до невероятного скудны. Мы видим вещи такими, какими мы созданы их видеть, и мы не в состоянии постичь абсолютную их суть. Со своими пятью жалкими чувствами мы лишь обманываем себя, иллюзорно представляя, будто воспринимаем весь безгранично сложный космос. В то же самое время иные существа, с более сильным и широким спектром чувств, могут не только по-иному воспринимать предметы, но способны видеть и изучать целые миры материи, энергии и жизни, которые окружают нас, но которые никогда не постичь земными чувствами. Я всегда верил, что эти странные, недостижимые миры существуют рядом с нами, а сейчас, как мне кажется, я нашел способ разрушить преграду, отделяющую нас

от них. Я не шучу. Через двадцать четыре часа вот эта машина, что стоит у стола, начнет генерировать энергию, способную оживить наши атрофированные или, если угодно, рудиментарные чувства. Эта энергия откроет доселе неизвестные человеку перспективы в постижении органической жизни. Мы узрим причину, по которой ночью воют собаки, а кошки наострают слух. Мы увидим это и многое другое из того, что недоступно обыкновенным смертным. Мы преодолеем время, пространство и границы измерений и, не сходя с этого места, проникнем в сокровенные глубины мироздания.

Когда Тиллингаст закончил свою речь, я принялся всячески отговаривать его от этой затеи, ибо, зная его достаточно хорошо, испытал скорее испуг, чем чувство радости и торжества. Но он был фанатично одержим своей идеей и, не пожелав меня слушать, выставил из дома. Его фанатизм не иссяк и сейчас, но желание высказаться оказалось сильнее обиды, и он прислал мне несколько строк, написанных в повелительном тоне, но при этом почерком, который я едва смог разобрать. Войдя в обиталище друга, который так неожиданно превратился в трясущееся подобие горгульи, я похолодел от ужаса, который, казалось, исходил от всякой тени в этом сумеречном доме. Слова и заверения, прозвучавшие здесь десять недель тому назад, словно бы приобрели физическую плоть и отчетливые очертания. Я вздрогнул при звуке глухого, изменившегося до неузнаваемости голоса хозяина. Я хотел было кликнуть прислугу, но Тиллингаст заявил, что все слуги покинули его три дня тому назад. Это сообщение пришлось мне очень не по душе. Мне показалось по меньшей мере странным, что старый верный Грегори оставил хозяина, даже не сообщив об этом мне — его давнему и испытанному другу. Именно от Грегори получал я известия обо всем происходившем здесь с того дня, как Тиллингаст в припадке ярости выставил меня из дома.

Но понемногу бушевавшее меня чувство страха вытеснялось все возрастающим любопытством. О том, что

именно потребовалось Кроуфорду Тиллингасту от меня на сей раз, я мог только догадываться, — но то, что он обладал великой тайной, которой жаждал поделиться, не вызывало у меня ни малейших сомнений. Прежде я всячески противился его желанию прорваться в неведомые сферы бытия; но сейчас, когда он, похоже, добился определенных успехов, я был почти готов разделить его ликование, хоть и видел, какой страшной ценой досталась ему эта победа. И вот я безмолвно двигался по темным пустынным комнатам туда, куда вело меня неяркое желтое пламя свечи в дрожащей руке этой пародии на человека. Электричество было отключено по всему дому, а когда я спросил почему, Кроуфорд ответил, что так и должно быть.

— Но это уж слишком... Я никогда не осмелюсь... — различил я среди сплошного потока невнятных фраз, которые мой друг бормотал себе под нос. Это весьма встревожило меня, ибо ранее за ним никогда не водилось привычки разговаривать с самим собой.

Мы вошли в лабораторию, и я снова увидел эту отвратительную электрическую машину, излучавшую жуткий фиолетовый свет. Она была подключена к мощной химической батарее, но, по-видимому, была обесточена, ибо в данный момент не вибрировала, издавая устрашающие звуки, как мне это случалось наблюдать раньше. В ответ на мои расспросы Тиллингаст пробубнил, что свечение, исходящее от машины, не имеет электрической природы.

Он усадил меня слева от нее и повернул выключатель, расположенный под рядом стеклянных ламп. Понимались привычные звуки, сначала напоминающие плевки, затем переходящие в жалобный вой и завершающиеся постепенно сходящим на нет жужжанием. Одновременно свечение то усиливалось, то ослабевало и наконец приобрело какой-то бледный, тревожащий цвет или, точнее, палитру цветов, которую я не мог не то чтобы описать, но даже вообразить. Тиллингаст, который внимательно наблюдал за мною, усмехнулся, увидев мою озадаченную гримасу.

— Хочешь знать, что это такое? — прошептал он. — *Это ультрафиолет.*

Я изумленно выпучил глаза, а он, не переставая ухмыляться, продолжал:

— Ты считал, что ультрафиолетовые лучи не воспринимаются зрением, — и был абсолютно прав. Но *сейчас* ты можешь наблюдать их, как и многое другое, ранее недоступное человеческому взору. Я объясню. Волны, вырабатываемые машиной, пробуждают в нас тысячи спящих чувств, унаследованных нами за период, простирающийся от первых до последних шагов эволюции, от состояния свободных электронов до формирования человеческого организма. Я лицезрел *истину* и теперь намерен открыть ее тебе. Хочешь посмотреть, как она выглядит? Сейчас покажу. — Тиллингаст сел, задув свечу, напротив меня и не мигая уставился мне в глаза. — Органы чувств, которые у тебя имеются, и прежде всего слух, уловят множество новых, доселе неизвестных ощущений. Затем появятся другие. Ты когда-нибудь слышал о шишковидном теле? Мне становится смешно, когда я думаю об этом жалком эндокринологе, об этом запутавшемся вконец человечешке, этом выскочке Фрейде. Тело — это есть величайший орган из всех, которые только имеются у человека, *и открыл это я*. Подобно глазам, оно передает зрительную информацию непосредственно в мозг. Если ты нормален, ты получаешь эту информацию в полной мере... естественно, я имею в виду образы, приходящие *из глубин мироздания*.

Я окинул взором огромную, с наклонной южной стеной мансарду, залитую тусклыми лучами, недоступными обычному глазу. Дальние ее углы были по-прежнему темны, и все помещение казалось погруженным в нереальную дымку, скрывавшую его действительную природу и влекущую воображение в мир фантомов и иллюзий. Тиллингаст замолчал. Мне представилось, что я нахожусь в некоем огромном экзотическом храме давно умерших богов, некоем сплетенном из тумана строении с неисчислимыми колоннами черного камня, взлетающими от основания влажных плит к облачным высотам,

что простираются за пределами моего видения. Картина эта некоторое время сохраняла отчетливость, но постепенно перешла в жуткое ощущение полного, абсолютного одиночества посреди бесконечного, невидимого и беззвучного пространства. Казалось, меня окружает одна пустота и больше ничего. Я почувствовал, как на меня наваливается ужас, какого я не испытывал с самого детства. Он-то и заставил меня выхватить из кармана револьвер — с тех пор, как я подвергся нападению в Ист-Провиденсе, я всегда ношу его с собой, покидая дом в темное время суток. Затем откуда-то из бесконечно удаленных в пространстве и времени областей до меня начал доноситься *звук*. Он был едва уловимым, слегка вибрирующим и, вне всякого сомнения, музыкальным, но в то же время в нем был оттенок какой-то исступленной дикости, заставивший все мое естество испытать нечто похожее на медленную, изощренную пытку. Затем раздался другой звук, напоминающий царапанье по шероховатому стеклу. Одновременно потянуло чем-то вроде сквозняка, казалось, исходившего из того же источника, что и звук. В то время как, затаив дыхание, я напряженно вслушивался, звук и поток воздуха усиливались, и внезапно я увидел себя привязанным к рельсам на пути быстро мчащегося поезда. Но стоило мне заговорить с Тиллингастом, как видение это мгновенно прекратилось. Передо мной снова были только человек, уродливая машина и погруженное в полумрак пространство за ней. Тиллингаст омерзительно скалился, глядя на револьвер, почти бессознательно вынутый мною из кармана. По выражению его лица я понял, что он видел и слышал все то, что видел и слышал я, если только не больше. Я шепотом пересказал ему свои впечатления. В ответ он посоветовал мне оставаться по возможности спокойным и сосредоточенным.

— Не двигайся, — предупредил он. — Мы можем видеть в этих лучах, но не забывай о том, что *и нас видят тоже*. Я уже говорил тебе, что слуги ушли из дома, но не сказал каким образом. Эта глупая баба, моя экономка, включила вниз свет, хотя я строго-настрого предупреж-

дал ее не делать этого. Естественно, в следующее мгновение колебания тока в энергосети пришли в резонанс с излучением. Должно быть, это было страшно: их истошные вопли доносились до меня, прорываясь сквозь пелену всего того, что я видел и слышал в другом измерении. Нужно признаться, что и меня пробрал озноб, когда я обнаружил одежду, кучками валявшуюся вокруг дома. Одежда миссис Апдайк лежала возле выключателя в холле — тут-то я все и понял. Оно утащило их всех до единого. Но пока мы не двигаемся, мы в безопасности. Не забывай о том, что мы контактируем с миром, в котором мы беспомощны, как младенцы... Не шевелись!

От этого шокирующего откровения и последовавшей за ним резкой команды я испытал нечто вроде ступора, и в этом необычном состоянии моему разуму вновь предстали картины, идущие из того, что Тиллингаст называл «глубинами мироздания». Я погрузился в водоворот звуков, неясных движений и размытых картин, разворачивающихся перед моими глазами. Очертания комнаты окончательно расплылись, и в образовавшемся черном пространстве появилось отверстие, своеобразный фокус, откуда исходил, постепенно расширяясь, поток непонятных клубящихся форм, казалось, пробивавший невидимую мне крышу дома в какой-то определенной точке вверху и справа от меня. Передо мной вновь предстало видение храма, но на этот раз колонны уходили в океан света, из которого вырывался слепящий луч, уже виденный мною прежде. Картины и образы сменяли друг друга в бешеном калейдоскопе. В потоке видений, звуков и незнакомых мне доселе чувственных впечатлений я ощутил в себе желание и готовность раствориться в них или просто исчезнуть. Одну такую вспышку образов я запомнил навсегда. На какое-то мгновение мне привиделся клочок ночного неба, исполненного светящихся вращающихся сфер. Затем видение отступило, и я увидел мириады сияющих солнц, образовывавших нечто вроде созвездия или галактики необычной формы, смутно напоминавшей искаженные очертания лица Кроуфорда Тиллингаста. В следующий момент я почув-

ствовал, как огромные живые тела касаются, а некоторые даже *просачиваются сквозь меня*. Тиллингаст, судя по всему, внимательно наблюдал их движение. Я вспомнил, что он говорил о шишковидном теле, и мне стало интересно узнать, какие неведомые откровения являются его сверхъестественному зору.

Неожиданно все окружающее предстало мне в увеличенном виде. Сквозь светящийся эфемерный хаос проступила картина, в которой хотя и нечетко, но все же различимо присутствовали элементы некоей связности и постоянства. Это было что-то очень знакомое, точнее, что-то неестественно наложенное на привычную окружающую действительность, подобно тому как кинокадр проецируется на расписной театральный занавес. Я видел лабораторию, электрическую машину и размытые очертания Тиллингаста, который сидел напротив меня. Но пространство, свободное от привычных глазу вещей, было до отказа заполнено неопишуемыми живыми и неживыми формами, сплетающимися друг с другом в отвратительные клубки, а возле каждого знакомого предмета кишели сонмы непостижимых чужеродных существ. Казалось, все земные предметы вступали в сложные взаимодействия с чужеродными — и наоборот. Среди живых объектов выделялись желеобразные, чернильного цвета чудовища, извивавшиеся в унисон с вибрацией машины. Они кружили вокруг в пугающем изобилии, и я с ужасом взирал на то, как они сливались и разделялись, — их текучесть позволяла им просачиваться сквозь что угодно, даже сквозь тела, которые мы аксиоматично полагаем твердыми. Эти существа не стояли на месте, а неустанно плавали во всех направлениях, как если бы были одержимы какой-то зловещей целью. Временами они пожирали друг друга — атакующий стремительно бросался к жертве, и в следующее мгновение последняя бесследно исчезала. Внутренне содрогнувшись, я догадался, как исчезли несчастные слуги, и после того уже не мог избавиться от мысли об этих существах, продолжая наблюдать открывшийся мне запредельный мир. Тиллингаст, не спуская с меня глаз, произнес:

— Ты их видишь их? Видишь? Ты видишь этих плывущих и прыгающих вокруг тебя, этих проникающих сквозь тебя существ? Ты видишь то, что составляет наш чистый воздух и наше голубое небо? Разве не преуспел я в ломке старых представлений и не показал тебе мир, скрытый от глаз простых смертных?

Он продолжал истошно вопить среди всего этого хаоса, угрожающе приблизив свое лицо к моему. Глаза его горели, как два раскаленных уголька, и только теперь я заметил, что они были полны ненависти. Машина исторгала из своих недр невыносимые звуки.

— Ты, наверное, вообразил, что эти неповоротливые существа утащили моих слуг? Глупец, они безобидны! Но слуги *исчезли*, не так ли? Ты пытался остановить меня, ты пытался разуверить меня, когда я больше всего нуждался в твоей поддержке. Ты убоился вселенской истины, жалкий трус, но ничего — сейчас ты в моих руках! Что унесло слуг? Что заставило их так кричать?.. Не знаешь, да? Подожди, скоро узнаешь. Смотри мне в глаза и слушай меня внимательно. Ты полагаешь, что существуют пространство и время. Ты также уверен в том, что миру присущи материя и форма. Я же исследовал такие глубины мироздания, которые твой убогий мозг просто не в состоянии представить. Я заглянул за границы беспредельного и воззвал к демонам звезд... Я обуздал духов, которые, путешествуя из одного мира в другой, повсюду сеют смерть и безумие... Космос отныне принадлежит мне! Ты слышишь? Эти существа сейчас охотятся за мной — существа, которые пожирают и переваривают все живое, но я знаю, как спастись от них. Вместо меня они заберут *тебя*, как до этого забрали слуг... Что, испугался, мой дорогой? Я предупреждал тебя, что здесь опасно шевелиться. Этим я спас тебя от смерти, но спас только для того, чтобы ты мог еще немного поглазеть вокруг да послушать меня. Если бы ты хоть чуточку шелохнулся, они бы уже давным-давно тебя слопали. Не беспокойся, они не сделают тебе *больно*. Слугам тоже не было больно — просто один вид этих тварей заставил бедняг орать что есть мочи. Мои любимцы не очень-то

красивы, но ведь они из миров, где эстетические стандарты слегка отличаются от наших. Переваривание, уверяю тебя, происходит почти мгновенно. Но я хочу, чтобы ты прежде *увидел их по-настоящему*. Сам я стараюсь их не видеть, поскольку знаю, когда нужно остановиться. Ну как, тебе интересно? Нет? Я так и знал, что ты не настоящий ученый! Дрожишь, а? Дрожишь от нетерпения лицезреть высших существ, обнаруженных мной? Почему же ты не хочешь шевельнуться? Что, устал? Брось, не волнуйся, дружище, *они уже близко...* Взгляни, да взгляни же, будь ты проклят!.. Смотри, одно из них как раз зависло над твоим левым плечом!..

О том, что последовало за этим, рассказывать неинтересно, да в этом и нет никакой надобности. Вы наверняка все знаете из газет. Проходившие мимо полицейские услышали выстрел в доме — Тиллингаста обнаружили мертвым, а меня без сознания. Сначала меня арестовали, так как револьвер, из которого стреляли, принадлежал мне, однако уже через три часа я был на свободе. Экспертиза установила, что Тиллингаст скончался от апоплексического удара, а я стрелял по машине, бесполезные обломки которой теперь были разбросаны по всему полу лаборатории. Об увиденном мною в ту ночь я не проронил ни слова, опасаясь, что следователь отнесется к этому со вполне понятным недоверием. Из уклончивых показаний, которые я предоставил на дознании, врач заключил, что я находился под гипнотическим воздействием мстительного и одержимого жаждой убийства маньяка.

Хотелось бы верить врачу. Тогда я смог бы наконец пересмотреть свои вновь приобретенные представления о строении воздуха и небесных сфер и привести в порядок мои расстроенные вконец нервы — а заодно избавиться от гнетущего ощущения чьего-то постоянного присутствия за моей спиной. Единственный факт, который до сих пор заставляет меня сомневаться в правоте доктора, заключается в том, что полиции так и не удалось обнаружить тела пропавших слуг, убитых, по их мнению, Кроуфордом Тиллингастом.

МУЗЫКА ЭРИХА ЦАННА

Я очень тщательно изучил карты города, но улицы д'Осей нигде не нашел. Я обращался не только к современным картам: мне известно, названия могут меняться. Напротив, я глубоко зарылся в историю этих мест, исследовал самолично, вне зависимости от названия, все городские районы, где могла бы находиться улица, известная мне как д'Осей. Стыдно в этом признаваться, но, несмотря на все усилия, я так и не нашел ни дом, ни улицу, ни даже часть города, где, будучи нищим студентом-философом, в последние месяцы своего обучения в местном университете я слушал музыку Эриха Цанна.

Что мне отказала память, неудивительно: пока я жил на улице д'Осей, у меня были серьезные нелады со здоровьем, с психикой в том числе; помнится, меня там не навещал никто из моих немногочисленных знакомых. Но то, что я не могу отыскать свое прежнее обиталище, удивляет и озадачивает, ведь располагалось оно в получасе ходьбы от университета и было в некоторых отношениях приметным. Трудно поверить в то, что побывавший там его забудет. Никто из тех, с кем я позднее говорил, ни разу в жизни не видел улицу д'Осей.

Улица эта находилась по ту сторону реки, текущей меж громадами кирпичных товарных складов с мутными окнами; берега ее соединяет массивный мост из темного камня. У реки всегда было тенисто, словно дым соседних фабрик на веки вечные скрыл из виду солнце. И еще над рекой стояли дурные запахи, совершенно особые; когда-нибудь они помогут мне найти то место, по-

тому что их я ни с чем не спутаю. За мостом были мощенные булыжником улицы с рельсами, потом начинался подъем, сперва пологий и ближе к д'Осей невероятно крутой.

Мне в жизни не попадалось второй такой узкой и крутой улицы, как д'Осей. Это был только что не обрыв, где не ездил никакой транспорт, там и сям гладкая дорога сменялась ступеньками, отдельные участки переходили в лестницу, а верхний конец замыкала мощная стена, увитая плющом. Уличный настил был неоднородный: где-то каменные плиты, где-то булыжники, где-то голая земля, с пробивавшейся тут и там серовато-зеленой растительностью. Дома, высокие, с островерхими крышами, невероятно старые, кренились в разные стороны. Бывало, противлежащие дома, наклоненные навстречу друг другу, образовывали что-то вроде арки, и в этом месте всегда стоял полумрак. Встречались также перекинутые через улицу мостики.

Обитатели здешних мест производили на меня странное впечатление. Вначале я объяснял это их молчаливостью, но позднее решил, что они просто очень старые. Не знаю, как мне пришло в голову там поселиться, но я в то время был немного не в себе. Из-за безденежья мне часто приходилось переселяться, и я навидался разных бедных кварталов, пока наконец не набрел на ветхий дом на улице д'Осей, в котором распоряжался паралитик по фамилии Бландо. Считая от вершины холма, дом стоял третьим и далеко превосходил всех своих соседей по высоте.

Моя комната находилась на пятом этаже, где больше никто не жил: дом был почти пуст. Поздно вечером, когда я вселялся, из окна островерхого чердака лилась странная музыка, и на следующий день я спросил Бландо, кто играл. Он ответил, что это старик-немец, немой и чудак-коватый; имя его, судя по подписи, Эрих Цанн, вечерами он играет на виоле в оркестре при одном захудалом театре. Бландо добавил, что Цанн имеет привычку брать-ся за инструмент по ночам, когда вернется из театра; по-

тому он и приискал себе просторную и изолированную чердачную комнату с единственным окошком, через которое, в отличие от всех прочих, открывается вид на склон холма по ту сторону стены в конце улицы.

Потом я слышал Цанна каждую ночь, он мешал мне спать, и все же я был зачарован его странной, потусторонней музыкой. Я мало знаком с музыкальным искусством, однако был убежден, что ни одно из созвучий Цанна не похоже ни на что слышанное мною прежде; отсюда я сделал вывод, что мой сосед одарен в высшей степени оригинальным талантом композитора. Чем дольше я слушал, тем сильнее пленяли меня эти звуки, и через неделю я решил свести знакомство со стариком.

Однажды вечером, когда Цанн возвращался с работы, я подстерег его в коридоре и сказал, что хотел бы с ним познакомиться и послушать вблизи его игру. Он был невысок ростом, шупл, сутул, с голубыми глазками и забавным личиком сатира, лысиной во всю голову, одет в какие-то обноски. Когда я заговорил, Цанн ответил злым и одновременно испуганным взглядом, но, видя мое дружелюбие, в конце концов смягчился и недовольным жестом пригласил меня следовать за ним по темной и шаткой чердачной лестнице. Его комната, одна из двух под крутой крышей, располагалась с запада и смотрела на высокую стену, в которую упирался верхний конец улицы. Очень просторное помещение казалось еще больше из-за необычайной скудости обстановки и запущенности. Из мебели имелись только узкая железная кровать, неопрятный умывальник, столик, большой книжный шкаф, железный нотный пюпитр и три старомодных стула. На полу громоздились в беспорядке ноты. Обшитые голыми досками стены, видно, никогда не штукатурили. Судя по залежам пыли и вездесущей паутине, можно было вообще усомниться, что тут кто-то живет. Очевидно, Эрих Цанн не признавал иной красоты, кроме сущей в эмпириях воображения.

Жестом предложив мне садиться, немой закрыл дверь, повернул большую деревянную задвижку и зажег

еще одну свечу в дополнение к той, что была при нем. Извлек из траченного молью футляра виолу и с нею в руках сел на самый крепкий из имевшихся стульев. Нотами он не воспользовался и, не спросив о моих пожеланиях, целый час угощал меня восхитительными мелодиями, подобных которым я никогда не слышал. Не иначе как это были его собственные композиции. Что они собой представляли, я, не будучи знатоком музыки, описать не способен. Это были как будто фуги с повторяющимися пассажами самого пленительного свойства, но я обратил внимание на то, что в них ни разу не прозвучали потусторонние мотивы, которые я слышал прежде, у себя.

Те, прежние мелодии невольно запечатлелись у меня в памяти, и я часто пытался, не совсем успешно, напеть их про себя или просвистеть. И потому, когда музыкант наконец отложил смычок, я попросил его сыграть что-нибудь из них. Когда я завел об этом речь, старик насторожился и спокойствие и скука на его морщинистом личике сатира сменились диковинным сочетанием злости и страха, как в тот раз, когда я впервые к нему обратился. Подумав, что это старческие капризы, к которым не стоит относиться серьезно, я стал его уговаривать и даже, чтобы вызвать соответствующее настроение, попытался насвистеть одну из мелодий, слышанных накануне ночью. Однако мне сразу же пришлось умолкнуть: едва немой музыкант узнал мотив, как черты его исказила неописуемая гримаса, а длинная костистая рука потянулась к моим губам, чтобы остановить грубую имитацию. И еще одна странность: испуганный взгляд старика скользнул к одинокому, завешенному шторой окну, словно там могли появиться незваные гости. Это было тем более нелепо, что чердак располагался очень высоко, куда выше соседних крыш; консьерж говорил мне, что на улице нет второго окна, откуда виден через стену противоположный склон холма.

Заметив испуг старика, я вспомнил о словах Бландо, и мне взбрело в голову полюбоваться широкой, голово-

кружительной панорамой посеребренных луною крыш и городских огней с той стороны холма — зрелищем, недоступным всем прочим обитателям улицы д'Осей. Я шагнул к окну и готовился уже раздернуть неописуемо ветхие шторы, но тут меня настиг, в полном уже неистовстве, хозяин комнаты. Кивая на дверь, он обеими руками стал оттягивать меня от окна. Это меня окончательно возмутило, я велел ему убрать руки и сказал, что немедленно ухожу. Старик ослабил хватку и, видя, как я обижен, стал успокаиваться. Он снова сжал мою руку, но на этот раз примирительным жестом, принудил меня сесть на стул, с задумчивым видом подошел к столу и, найдя средихлама карандаш, стал писать на тяжело-весном, как бывает у иностранцев, французском длинную записку.

Когда он наконец вручил записку мне, там оказалась просьба снизойти к нему и простить. Цанн утверждал, что он стар, одинок и подвержен необычным страхам и неврозам, связанным с собственной музыкой и не только с ней. Ему понравилось, как я слушаю, и он приглашал меня приходить еще, но только просил не обращать внимания на его причуды. Однако он не может исполнять свою необычную музыку для других и не выносит, когда ее воспроизводят другие, а также не терпит, когда посторонние что-нибудь трогают в его комнате. До нашей встречи в коридоре он не имел понятия, что мне слышна его игра, и теперь он спрашивает, нельзя ли договориться с Бландо, пусть переселит меня в нижний этаж, подальше от ночных концертов. Он, Цанн, берет-ся доплачивать за мою новую комнату.

Пока я разбирал жуткий французский язык старика, моя обида сменилась сочувствием. Он страдает от физического и нервного недуга, я тоже; философские занятия научили меня доброте. Тут в окне послышался тихий стук — наверное, задребезжали под ночным ветерком ставни, и я почему-то, вслед за Эрихом Цанном, испуганно вздрогнул. Закончив читать, я пожал хозяину руку, и мы расстались друзьями. Назавтра Бландо пре-

доставил мне более дорогую комнату на третьем этаже, между квартирой пожилого ростовщика и комнатой respectableного обойщика. На четвертом этаже жильцов не было.

Вскоре я убедился, что Цанн не так жаждет моего общества, как можно было подумать, когда он уговаривал меня съехать с пятого этажа. Он не приглашал меня к себе, а если я приходил незваным, Цанн держался беспокойно и играл вяло. Происходило это всегда ночью: днем Цанн спал и никого не принимал. Нельзя сказать, чтобы я проникался к нему все большей симпатией, хотя чердачная комната и потусторонняя музыка сохраняли для меня свою непонятную притягательность. Меня одолевало странное желание выглянуть в это окно, увидеть ту сторону стены, неизвестный склон, блестящие крыши и шпили внизу. Однажды я поднялся на чердак в то время, когда Цанн был в театре, но дверь оказалась закрыта.

Что мне удавалось, так это подслушивать ночную игру немого музыканта. Вначале я прокрадывался на цыпочках в свой прежний пятый этаж, потом набрался смелости и стал взбираться по скрипучей лестнице до самого верха, поближе к чердаку. Там, в тесном коридоре, перед закрытой на засов дверью с прикрытой замочной скважиной, я нередко внимал звукам, наполнявшим душу неопределенным страхом, ибо за ними чудилась какая-то сверхъестественная тайна. Нет, музыка была красива, а вовсе не ужасна, но ее сопровождали вибрации, несравнимые ни с чем на нашей бренной земле, а временами она обретала симфоническое звучание и трудно было поверить, что это играет один-единственный исполнитель. Несомненно, Эрих Цанн обладал истинной гениальностью, причем самого необузданного свойства. Недели текли, игра становилась все мощнее и причудливей, сам же старый музыкант худел и выглядел таким затравленным, что больно было смотреть. Он от меня затворился, а при случайных встречах на лестнице шаркался в сторону.

Однажды ночью, пока я подслушивал под дверью, пенье виолы переросло в беспорядочный визг. Ловя эту сумятицу звуков, я усомнился в собственном здравом рассудке, но тут прозвучавший за закрытой дверью вопль подтвердил плачевную реальность: там действительно происходило что-то ужасное. Так жутко и нечленораздельно мог кричать только немой и только от отчаянного страха или нечеловеческой боли. Я стал колотить в дверь — ответа не было. Дрожа от холода и страха, я ждал в темном коридоре. Наконец послышался шорох: бедный музыкант пытался, опираясь на стул, подняться на ноги. Я решил, что он приходит в себя после обморока, и снова стал стучать в дверь, повторяя ободряющим тоном свое имя. Цанн, судя по всему, доковылял до окна, закрыл его и задернул шторы, потом не без труда добрался до двери, отодвинул неверной рукой засов и впустил меня. На этот раз можно было не сомневаться, что он рад меня видеть: его несчастное личико просияло от облегчения и он ухватился за мою куртку, как ребенок хватается за юбку матери.

Жалостно дрожа, старик усадил меня на стул, и сам сел тоже; виола со смычком лежали, забытые, рядом с ним на полу. Первое время он сидел неподвижно, только странно кивая и словно бы напряженно и испуганно к чему-то прислушиваясь. Потом Цанн как будто успокоился, пересел к столу, написал краткую записку, отдал ее мне и, вернувшись за стол, принялся быстро и непрерывно строчить. В записке он умолял меня, во имя милосердия и ради удовлетворения собственного любопытства, оставаться на месте и ждать, пока он подготовит на немецком полный рассказ о страшных тайнах, его окружающих. Я ждал, немой музыкант водил карандашом по бумаге.

Прошло около часа, я все еще ждал, рядом со старым музыкантом быстро вырастала стопка листков, но вдруг он отчаянно дернулся. Ошибиться было невозможно: он глядел на зашторенное окно, вслушивался и трясся от испуга. Тут мне почудилось, что я и сам что-то разли-

чаю: звук, совсем не пугающий, напоминал чрезвычайно тихую и отдаленную мелодию, словно неведомый музыкант играл в каком-нибудь из соседних домов или по ту сторону высокой стены, за которую мне не доводилось заглядывать. На Цанна было страшно смотреть: он уронил карандаш, рывком встал, схватил виолу и принялся оглашать ночную тишину теми дичайшими мотивами, какие исполнял только наедине с собой, а я слушал только из-за запертой двери.

Что играл той ужасной ночью Эрих Цанн, описывать бесполезно. Прежде, подслушивая, я не представлял себе, что это за жуть, так как не видел его лица, теперь же понял: за этой бурной игрой стоит отчаянный страх. Громкими звуками старик то ли от чего-то себя защищал, то ли старался что-то заглушить; в чем он видел опасность, я не догадывался, но чувствовал, что опасность эта велика. Причудливое музицирование обрело характер бреда, истерики, но сохраняло в себе следы высшего таланта, которым, как мне было известно, обладал странный старик. Я узнал мелодию: это был неистовый венгерский танец, любимый театральной публикой, и на миг мне подумалось, что прежде я ни разу не слышал, чтобы Цанн исполнял чужие сочинения.

Виола завывала все громче и отчаянней. Музыкант, заливаемый потоками пота, дергался как обезьяна и не спускал безумного взгляда с занавешенного окна. Под яростный напев мне все отчетливей представлялись тени сатиров и вакханок, бешено кружащихся среди водоворота туч, дымов и молний. Затем я различил как будто иные тоны, более высокие и протяжные, чем у виолы; где-то далеко на западе они выпевали размеренную, упорную, дразнящую мелодию.

Тут за окном заплакал и застучал в ставни ночной ветер, словно бы вызванный безумной игрой старика. Визгливая виола Цанна стала исторгать из себя звуки, не свойственные, как я думал, этому инструменту. Ставни застучали громче, растворились и начали биться об окно. Задребезжало разбитое стекло, внутрь ворвался студеный ветер, зашипели свечи, зашелестели бумаги на

столе, где Цанн начал записывать свою страшную тайну. Я поглядел на Цанна: ясное сознание его покинуло. Голубые глаза бессмысленно пялились в пустоту, смычок извлекал из виолы уже не музыку, а механическое, ни на что не похожее чередование звуков, описать которое не под силу перу.

Внезапный, еще более мощный порыв ветра подхватил рукописные листы и увлек к окну. Я отчаянно кинулся следом, однако не успел: листы исчезли. Тогда мне вспомнилось мое прежнее желание выглянуть в это окно, единственное на улице д'Осей, откуда виден склон холма за стеной и простертый внизу город. Было очень темно, однако город всегда светится огнями, и я надеялся увидеть их сквозь потоки дождя. Но когда я приник к этому чердачному окошку, самому высокому на улице, и под шипенье свечей и завывания безумной виолы и ночного ветра стал всматриваться в сумрак, там не оказалось ни простертого внизу города, ни приветливых фонарей знакомых улиц — ничего, кроме беспредельного черного пространства, невообразимого пространства, оживленного движением и музыкой, не похожего ни на что на этой земле. И пока я глядел, оцепенев от ужаса, ветер задул обе свечи, освещавшие старинный, с остроугольным потолком, чердак, и оставил меня в первобытном непроницаемом мраке, с демоническим хаосом перед глазами и демоническим беснованием ночной виолы за спиной.

Не имея возможности добыть света, я шатнулся назад, ударился о стол, опрокинул стул и стал на ощупь пробираться туда, где вскрикивал, извергая дикую музыку, мрак. Какие бы силы мне ни противостояли, я должен был, по крайней мере, попытаться спасти Эриха Цанна и спастись самому. Однажды я ощутил какое-то холодное прикосновение и закричал, но жуткая виола заглушила мой крик. Внезапно меня толкнул ходивший ходуном смычок: музыкант был рядом. Я протянул наугад руку и наткнулся на спинку стула, потом нашел плечо Цанна и стал трясти, чтобы старик очнулся.

Он не откликался, но виола продолжала завывать все так же оглушительно. Я нащупал голову музыканта, сумел остановить его механические кивки и прокричал в ухо, что нам обоим нужно спастись бегством от непонятных ночных созданий. Однако он не отвечал и с тем же остервенением водил смычком, а между тем по всему чердаку загуляли странные ветерки, затеявшие во тьме и неразберихе подобие танца. Коснувшись уха музыканта, я, сам не поняв отчего, вздрогнул. И понял, только ощупав его неподвижное лицо: холодное, окоченевшее, бездыханное лицо, остекленевшими глазами бессмысленно пялившееся в пустоту. И вот, каким-то чудом отыскав дверь и большой деревянный засов, я с бешеной скоростью припустил вниз по лестнице, подальше от обладателя остекленевших глаз и от дьявольского завывания проклятой виолы, ярость которой не стихала, а только усиливалась.

Век буду помнить это ужасное бегство: как я прыгал, скользил, летел по бесконечным лестницам темного дома; как выскочил в забытии на узкую крутую улочку, к ступенчатой дороге и кренившимся домам, как по ступеням и булыжнику сбежал на нижние улицы, к зловонной, зажатой в высоких берегах реке, как пересек, пытая, большой темный мост и очутился на известных нам всем улицах и бульварах — широких и опрятных. Ветра, помнится, не было, как и луны, и все огни в городе сияли ярким блеском.

Все мои розыски, все самые тщательные расследования ни к чему не привели: я так и не нашел улицу д'Осей. Однако ни об этом, ни о потере плотно испитых листов, единственного ключа к тайне музыки Эриха Цанна, я особо не печалюсь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Азатот. Перевод В. Дорогокупли</i>	5
<i>Из глубин мироздания. Перевод О. Скворцова</i>	7
<i>Музыка Эриха Цанна. Перевод Л. Бриловой</i>	17
<i>Пес. Перевод Е. Нагорных</i>	27
<i>Крысы в стенах. Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i>	39
<i>Изгой. Перевод О. Мичковского</i>	64
<i>Неименуемое. Перевод О. Мичковского</i>	73
<i>Кошмар в Ред-Хуке. Перевод И. Богданова</i>	85
<i>Память. Перевод О. Мичковского</i>	121
<i>Полярная звезда. Перевод Е. Мусихина</i>	123
<i>Гипнос. Перевод В. Дорогокупли</i>	129
<i>Белый корабль. Перевод Е. Мусихина</i>	138
<i>Селефаис. Перевод В. Останина</i>	147
<i>Загадочный дом на туманном утесе. Перевод В. Останина</i> . .	155
<i>Иранон. Перевод В. Останина</i>	167
<i>Карающий рок над Сарнатом. Перевод Е. Мусихина</i>	176
<i>Ньярлатхотеп. Перевод О. Мичковского</i>	186
<i>Сверхъестественный ужас в литературе. Перевод И. Богданова и О. Мичковского</i>	191
<i>Примечания. В. Дорогокупля</i>	294

Лавкрафт Г. Ф.

- Л 13 Загадочный дом на туманном утесе : повести, рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. И. Богданова, Л. Бриловой, В. Дорогокупли и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-08861-0

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, стал маяком и ориентиром жанра литературы ужасов, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов. Влияние его признавали такие мастера, как Борхес, и такие кумиры миллионов, как Стивен Кинг, его рассказы неоднократно экранизировались, а само имя писателя стало нарицательным.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
ЗАГАДОЧНЫЙ ДОМ
НА ТУМАННОМ УТЕСЕ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.01.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pф
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-16873-09-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

и ИНОСТРАНКА

АЗБУКА

КоЛибри

 Machaon

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/